

УДК 340.1
ББК 67.0

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Н.Н. Вопленко

Рассматриваются дискуссионные вопросы понятия и основных признаков ошибки в сфере правотворческой деятельности. Ставится вопрос о юридической ответственности субъектов за результаты их ошибочной работы.

Ключевые слова: *правотворческая ошибка, ошибка в применении права, социальная вредность, властная деятельность, юридическая ответственность, оценка, судебный контроль.*

Ошибочная деятельность правотворческих органов современной России широко обсуждается на разных уровнях общественного сознания – от обыденного до профессионального и даже официального. И это объяснимо, ибо последствия правотворческих ошибок столь социально значимы, что напрямую затрагивают коренные и принципиальные интересы различных классов, социальных групп, организаций и отдельных граждан. Не всегда качественная и высокопрофессиональная правотворческая работа и особенно ее результаты порою будоражат общественное мнение, становятся основанием к формированию правового нигилизма и недоверия к органам власти. Такое состояние действующего законодательства находит свое подтверждение в официальных документах. Так, в Докладе Совета Федерации Федерального Собрания РФ о состоянии законодательства в Российской Федерации в 2007 г. отмечается, что из 337 принятых законов 259 (77,15 %) являются законами о внесении изменений и дополнений в действующие нормативные акты (цит. по: [7, с. 482–483]). Это означает признание Советом Федерации предыдущей некачественной, а по сути – ошибочной законодательной деятельности Федерального Собрания России и массовой последующей работы по устранению ошибок в законотворчестве. Не лучшее

положение наблюдается и в региональной правотворческой деятельности. По данным Прокуратуры Волгоградской области, из 13 000 нормативных актов за 2006 г. около 1 500 оказались принятыми с нарушением действующего законодательства [10, с. 5]. Это своеобразное признание правотворческой самодельности органов муниципальной власти, выразившейся в массовых правотворческих ошибках. Все это, несомненно, свидетельствует об актуальности проблемы правотворческих ошибок и необходимости ее обстоятельной научно-теоретической разработки.

Весомым вкладом в решение этой задачи является проведение в мае 2008 г. в Нижнем Новгороде по инициативе профессора В.М. Баранова Международного научно-практического круглого стола и опубликование материалов выступлений его участников [14]. Это своеобразный «мозговой штурм» проблемы правотворческих ошибок с соответствующими выводами и рекомендациями. Как справедливо отмечается многими участниками круглого стола, обсуждаемая проблема тесно связана и преемственно выросла из теории правоприменительных ошибок в качестве составной части общей теории юридических ошибок. И это предполагает необходимость учитывания в процессе изучения этой проблемы как общих закономерностей юридической деятельности вообще, так и специфических особенностей правотворческой работы в частности. Верно в этой связи акцентирует внимание В.Н. Карташов на необходимости деятельностного подхода к изучению правотвор-

ческих ошибок, то есть рассмотрение данного феномена не только в качестве итога, результата правотворческого процесса, но и в виде длящегося во времени процесса правотворческой работы [4, с. 162–163].

В центре внимания изучаемой проблемы находятся признаки, понятие, причины и способы предотвращения и устранения правотворческих ошибок. По мнению одного из первых исследователей этого вопроса В.М. Баранова, правотворческая ошибка есть «официально реализованное добросовестное заблуждение, результат неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы... правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия» [1, с. 357]. Из этого определения можно вывести следующие основные признаки ошибки в сфере правотворчества:

- результат законченной официальной деятельности компетентных субъектов;
- неправильность действий, являющихся результатом добросовестного заблуждения;
- нарушение общих принципов или конкретных норм правотворческого процесса;
- издание не соответствующих истине, ложных норм права.

В целом с названными признаками правотворческой ошибки можно согласиться. Однако обращает на себя внимание такой признак, как «нарушение общих принципов или конкретных норм», то есть противоправность ошибки. Думается, данная черта правотворческих ошибок не всегда присутствует в процессе и результатах ошибочной правотворческой деятельности. Правотворец зачастую и в большинстве случаев создает нормы на основе добросовестного и scrupulous соблюдения основных принципов и норм, регламентирующих его работу. Ошибка часто возникает как результат неправильного выбора и определения цели и средств правового регулирования. Особенно наглядно это проявляется в так называемых «стратегических» ошибках, устанавливаемых общественным мнением и компетентными органами спустя опре-

деленный промежуток времени. В подобных случаях законодатель или иной правотворец на момент издания правовой нормы действует с благими намерениями и вполне правомерно, но, как показывает последующая практика реализации ошибочной нормы, цель правового регулирования либо выбранные средства оказались негодными, не ведущими к социально полезному результату. Следовательно, противоправность правотворческой ошибки можно рассматривать только в виде *фактативного* его признака.

С этих позиций, думается, не совсем точным является и определение правотворческой ошибки, сформулированное А.Б. Лисюткиным. По его мнению, она есть «обусловленный неправомерными и неправильными действиями субъекта нормотворчества негативный результат, который препятствует его эффективной работе и принятию высококачественного нормативно-правового акта» [6, с. 197–198]. Неправомерность, характеризующая лишь некоторые виды ошибок, называется здесь в качестве постоянного и универсального признака. Кроме того, в этом определении ошибка называется в качестве обстоятельства, «препятствующего эффективной работе и принятию высококачественного нормативного акта». Между тем истинное ее значение состоит в том социальном вреде, который ошибка приносит всему обществу. То есть правотворческая ошибка в качестве негативного результата вредит не столько деятельности ее творца, сколько прогрессивно-правовому развитию общества, и выливается в неблагоприятные экономические, политические, нравственные, юридические и прочие последствия социальной жизни.

Несколько иной акцент в определении правотворческой ошибки содержится в работе В.М. Сырых. По его мнению, правотворческая ошибка есть «такое отступление от требований законодательной техники, положений правовой науки, логики или грамматики, которое снижает качество норм права, вызывает затруднение в их толковании и реализации в конкретных правоотношениях» [17, с. 205]. В данном определении акцентируется внимание на технико-юридической природе правотворческих ошибок, что позволяет автору классифицировать все ошибки на юри-

дически, логические и грамматические (языковые). Социальные же последствия ошибок и их официальная констатация у автора отходят на второй план.

Анализ изложенных определений понятия правотворческой ошибки позволяет выделить следующие наиболее типичные черты данного явления:

а) она есть результат официальной юридической деятельности правотворческого органа;

б) является добросовестным заблуждением при формировании правовых норм;

в) противоречит принципам или нормам действующего законодательства;

г) выступает в качестве результата не-правильной, а иногда и неправомерной деятельности;

д) негативно сказывается на качестве правотворческой работы соответствующих органов;

е) противоречит рекомендациям правовой науки, логики или грамматики;

ж) создает препятствия в понимании и реализации норм права.

Общим замечанием по данным признакам правотворческой ошибки, на наш взгляд, является отсутствие четкости в понимании *действительно общих и универсальных свойств* ошибочной деятельности и *свойств факультативных*, проявляющихся не в каждом случае ошибки, а только иногда, в определенной правотворческой ситуации. Например, несоответствие правотворческой ошибки требованиям правовой науки, логики или грамматики не является ее универсальным признаком. Эпизодически встречающиеся правотворческие «ляпы», как правило, свидетельствуют о непрофессиональном уровне правового сознания и культуры их творца и сразу привлекают внимание общественности своей очевидностью, наглядностью. В большинстве же случаев ошибочная правотворческая деятельность в качестве неадекватного отражения и закрепления в нормах права актуализированных социальных потребностей зачастую совершается с привлечением научных данных в сфере языка и юриспруденции. Особенно наглядно это проявляется при закреплении в правотворческой ошибке лоббированных, узковедомственных или эгоистичес-

ких интересов. Результаты подобной правотворческой деятельности выглядят, как правило, юридически весьма аргументированными. И это требует ограничения действительно общих универсальных признаков ошибки от ситуационно встречающихся факультативных. На наш взгляд, к числу таких общих и наиболее обобщенных признаков правотворческих ошибок следует отнести:

а) *оценочный характер*;

б) *социальную вредность*;

в) *создание ошибкой юридических препятствий* для прогрессивно-правового развития общества;

г) *властную констатацию ошибки* в специальном правовом акте компетентного органа государства.

Это означает, что выделение в научной литературе таких признаков правотворческой ошибки, как «добросовестность заблуждения ее субъекта» [1, с. 357], «нарушения правил юридической техники, логики, грамматики» [8, с. 27], «необеспеченность материальными и прочими ресурсами» [12, с. 19], следует рассматривать в качестве особых видов ошибок, а не их признаков. Действительно, наряду с добросовестным заблуждением ошибка может быть обусловлена также лоббированием каких-либо индивидуальных или групповых интересов, а следовательно, сознательной и целенаправленной деятельностью. Совершаемая путем игнорирования языковых, логических или технических правил, она образует особую разновидность юридически ущербной деятельности. Необеспеченность результата правотворческой работы материальными и прочими ресурсами выступает также в качестве видовой характеристики отдельных «мертвоорожденных» правовых норм. Все это дает основания видеть в основных признаках правотворческих ошибок предельно обобщенные и универсальные черты, проявляющиеся вне зависимости от их видовой принадлежности.

1. *Оценочность* правотворческой ошибки основывается на том, что представления о ней в общественном и индивидуальном сознании изначально формируются в виде мнений, суждений, выражающих сомнение или подтверждение о ценности, полезности процесса и результата какой-либо правотворческой деятельности. Познание и юридическое установ-

ление ошибки протекают в форме оценочной работы. Соображения о степени полезности правовых норм служат своеобразной идейно-психологической и интеллектуальной средой, в которой формируются мнения и оценки о качестве правотворческой деятельности. Оценочность ошибки выглядит как ее имманентное свойство быть объектом оценивания посредством соотнесения с важнейшими идеями права: равенством, свободой и справедливостью. Именно эти идеалы создают возможность правосознательной оценки деятельности творца правовых норм через призму ее соответствия либо несоответствия основным критериям и правилам правотворческой работы. В результате этого в общественном сознании формируется смысловое поле правовых текстов, несущее в себе представление о недостатках, просчетах, ошибках и прочих несовершенствах действующего законодательства. Эти оценочные суждения, негативно оценивающие отдельные нормы или акты правотворчества, сопровождают реальную жизнь права и служат питательной средой для окончательного выявления и устранения ошибок.

Следует также иметь в виду, что оценочный характер правотворческих ошибок обусловлен противоречивостью человеческих интересов, регулируемых нормами права, а отсюда и возможностью различных субъектов пристрастно относиться к процессам и результатам нормативного регулирования. То, что может казаться для одного человека ошибкой законодателя или иного творца права, для другого – вполне нормальным явлением правовой действительности. Как справедливо отмечает М.Л. Давыдова, «некоторые авторы стремятся... переложить вину за любые дефекты или сложности в механизме правового регулирования на законодателя, другие – пользуясь категорией правотворческой ошибки, просто обосновывают собственное субъективное недовольство тем или иным законом» [3, с. 318–319]. И это еще раз подтверждает, что человеческие представления о качестве состояния законодательства в государственно организованном обществе и возможных ошибках в деятельности правотворческих органов не могут существовать вне сферы и формы пристрастно-заинтересованного оценочного отношения к этому всех возможных субъектов.

2. *Социальная вредность* правотворческой ошибки относится к числу основополагающих ее свойств, определяющих общественную *значимость и необходимость* реагирования на подобные явления со стороны общества и государства. Это означает, что в результате ошибочной деятельности творцов правовых норм общественному развитию и правовому регулированию причиняется существенный вред в виде неблагоприятных последствий личного, имущественного, морального или политического характера. При этом особенностью правотворческого вреда является его *длящийся во времени и юридически легализованный* характер. То есть его трудно минимизировать, тем более устранить до тех пор, пока правотворческая ошибка не будет исправлена, устранена в официальном порядке. Но главная черта правотворческого вреда, на наш взгляд, определяется социальной природой правотворчества как одной из стратегически важных форм государственного руководства обществом. Правотворческая ошибка подрывает или деформирует эффективность долгосрочного социального регулирования, способствует недостижению стратегических целей общественного развития. Ошибка рассматривается как игнорирование объективных закономерностей социальной и государственно-правовой жизни. Последствия такой ошибки, как правило, долго и тяжело отзываются в общественном развитии. Подобных примеров в отечественной истории немало, – это правовые средства борьбы с алкоголизмом, монетизация льгот для пенсионеров, неустойчивый характер закрепления семейных отношений, шаблонное пенсионное обеспечение населения и т. д.

Вредоносный характер правотворческих ошибок наиболее ярко просматривается в сфере законодательной деятельности, призванной регулировать стратегические интересы общественного и государственного развития. Соотнесение процедуры и результатов законотворчества с идеалами социальной справедливости, общего блага, национальной безопасности позволяет выявить в действующем законодательстве сомнительные с точки зрения юридической справедливости акты и нормы и возбудить в общественном и групповом сознании проблему оценочного отноше-

ния к ним с целью корректировки государственной воли. Поэтому верно отмечается в литературе, что законотворческая ошибка при ее реализации на практике порождает несправедливость и социальную напряженность, влечет другие отрицательные общественно-политические, экономические, финансовые последствия, снижает уровень гарантий прав и интересов личности, эффективность правоприменительной деятельности, подрывает основы национальной безопасности, разрушает принципы построения демократического общества и системы управления [12, с. 18]. Следовательно, правотворческая ошибка характеризуется не просто отрицательными или негативными последствиями, на что обращают внимание некоторые авторы, но является социально вредной по своему содержанию и воздействию на правовой порядок общества.

3. Из социальной вредности правотворческой ошибки вытекает и такое ее принципиальное свойство для всей системы правового регулирования, как *создание юридических препятствий* для формирования справедливой и эффективной юридической практики. Существование ошибок в действующем законодательстве относится к явлениям, юридически легализующим деформацию источников права. Они создают проблему невозможности поступать в противоречии с ошибочными нормами или актами, искать «обходные пути» и средства согласования законности и целесообразности, юридической правильности реализации нормы и социальной справедливости. Однако, как свидетельствует юридическая практика, такое согласование и корректировка ошибочно выраженной в праве государственной воли далеко не всегда возможны без нарушений требований законности. Поэтому правотворческая ошибка не позволяет, в том числе и под угрозой юридической ответственности, использовать те средства и механизмы правового регулирования, которые следовало бы применить в данном случае и которые соответствуют основным принципам права. И в этом вопросе не является спасительным аргументом тезис, провозглашаемый сторонниками так называемого «широкого правопонимания» о том, что «несправедливый закон – это не право» [13, с. 37]. Правотворческая ошибка, к сожалению, до тех пор пока

она властно и официально не будет констатирована и устранена компетентным органом государства, требует от субъектов безусловного выполнения именно того требования, которое заключено в ней. «Ошибочное» право, следовательно, проявляет себя как своеобразный «тормоз», юридическое препятствие для использования справедливых и эффективных средств правового регулирования.

4. Наконец, принципиально важным и формально определенным признаком правотворческой ошибки является *властная констатация* ее компетентным органом в особом правовом акте. Это означает, что процесс логической формализации представлений о существовании ошибки заканчивается юридической процедурой ее выявления и устранения. В общей теории юридической ошибки по этому поводу справедливо отмечается, что процедурный порядок выявления и исправления ошибки выступает одним из ее важнейших свойств [6, с. 166]. Правотворческая ошибка, в собственном смысле слова, есть установленный компетентным органом в рамках специальной юридической процедуры и выраженный в особом правовом акте юридический факт, влекущий возникновение правовых отношений по устранению последствий неправильного правотворчества.

В научной литературе проблема юридического выявления и устранения правотворческих ошибок решается довольно осторожно. Чаще всего в качестве органа, правомочного заниматься деятельностью по выявлению и устранению ошибок, называется суд. Так, В.В. Лазарев утверждает: «Мне представляется, что ошибку законодателя вправе констатировать в конечном счете единственный орган – суд. Теория разделения властей, кроме всего прочего, имеет как раз этот аспект: противостоять ошибочным решениям законодательной власти» [5, с. 141]. Также считает и Л.А. Морозова: «Обнаруженные в нормативном правовом акте правотворческие ошибки содержательного характера служат юридическим основанием для возбуждения процедуры по исправлению ошибок и внесению изменений в соответствующий акт. Как известно, в настоящее время возможно обращение в суд с заявлением об оспаривании нормативных правовых актов, и такого

рода дела рассматриваются в порядке осуществления судебного нормоконтроля» [11, с. 252]. Вера и надежда научной общественности в то, что судебная система современной России способна противостоять правотворческим ошибкам, вполне оправданны, но выглядят несколько односторонне. А если учесть фатальную загруженность наших судебных органов и хроническую длительность и сложность рассмотрения процедуры нормоконтроля, то возникает представление о долговременной живучести ошибок, совершаемых органами правотворческой власти.

На наш взгляд, проблема официального выявления и устранения правотворческих ошибок не должна замыкаться на деятельности органов суда в порядке нормоконтроля. Наряду с судебными органами в этом процессе призваны играть важную роль органы прокуратуры, Министерства юстиции и контрольно-надзорная деятельность исполнительно-распорядительных органов государственного механизма в порядке подчиненности. При этом нельзя забывать и о возможности устранения ошибки самим ее творцом, осознавшим ее вредность под влиянием общественного мнения или по представлению авторитетных государственных или общественных организаций. Разумеется, что «добровольное» исправление ошибок в правотворчестве в значительной мере поглощается текущей работой по совершенствованию действующего законодательства. Так, в настоящее время в действующий УПК РФ внесено более 900 поправок, свидетельствующих о поиске оптимальной уголовно-процессуальной формы деятельности следственных и судебных органов [15, с. 1098]. Большинство этих поправок выглядит как устранение ранее сделанных ошибок, хотя прямо и специально об этом Государственная Дума РФ не заявляет. Своеобразного «самобичевания» в этом вопросе не наблюдается, а это наводит на мысль о том, что правотворческие ошибки, устраняемые в аутентическом порядке, то есть органом, ее ранее сделавшим, подразделяются на *официально признанные* и *молчаливо устраняемые* в порядке повседневного совершенствования действующего законодательства. Другими словами, речь идет о существовании *легально установленных* и *скрытых, латентных ошибок*.

Итак, властная констатация правотворческих ошибок в современной России осуществляется системой специальных органов государства, первым звеном в которой следует признать органы Министерства юстиции, действующие путем регистрации нормативных актов, издаваемых органами исполнительной власти. Своеобразный «отсев» ошибочных норм и актов посредством регистрационного контроля можно рассматривать в качестве средства профилактики, предупреждения правотворческих ошибок и вместе с тем их устранения перед вступлением в действие соответствующих источников права исполнительной власти. Следующим звеном системы органов, занимающихся выявлением и устранением ошибок в правотворческой деятельности, следует признать прокурорский надзор. Акты прокурорского реагирования в порядке общего надзора на правотворческие ошибки – это протесты и заявления в суд с целью приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным. В масштабах Российской Федерации это почти необъятное поле и огромный массив правоохранительной работы. Так, по данным Волгоградской областной прокуратуры за 2008 г. и 1-й квартал 2009 г., по результатам прокурорского реагирования (протесты, заявления в судебные инстанции) приведено в соответствие с требованиями федерального законодательства почти 3,8 тысячи нормативных актов региональных и местных властей [9, с. 3]. Уместно предположить аналогичную картину борьбы с правотворческими ошибками и в других субъектах РФ.

Третьим и, пожалуй, наиболее значимым звеном в системе органов, призванных выявлять и устранять правотворческие ошибки, являются органы суда. Эту работу осуществляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, а также соответствующие высшие судебные инстанции субъектов Российской Федерации в порядке нормоконтроля. Признавая и объявляя в своих решениях отдельные пункты или нормативные акты недействующими по мотивам их противоречия конституционному, международному или иному законодательству, высшие судебные инстанции обявляют их авторов в установленный законом срок испра-

вить выявленные правотворческие ошибки. *Это и есть властная констатация факта ошибочного правотворчества.* Такая деятельность судебных органов осуществляется посредством правотворческого толкования, которое позволяет установить выраженную в нормах права подлинную государственную волю в ее согласовании с конституционным, международным и иным законодательством, объявить недействующими ошибочные нормы и обязать правотворцев устранить и исправить дефекты (подробнее о юридической природе правотворческого толкования см.: [2, с. 76–82]). Ошибки правотворчества, выявленные и констатированные в актах судебного нормоконтроля за счет официального опубликования в специальных вестниках, журналах, газетах, становятся общеизвестными и оказывают существенное влияние на юридическую практику. В последнее время они стали публиковаться даже в «Российской газете», что подтверждает их правотворческую значимость. Так, в «Российской газете» за 5 мая 2009 г. опубликованы два сообщения о признании Верховным Судом РФ недействующими п. 141 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных Приказом Министерства внутренних дел РФ от 22 ноября 2005 г. № 950 и п. 3, 4, 9, 10 Правил учета, хранения и использования в РФ средств цветного копирования (оперативной полиграфии, копировально-множительной техники, капельно-струйных принтеров), утвержденных Постановлением Правительства РФ от 11 октября 1994 г. № 1158 [16, с. 12].

Итак, рассмотрение таких признаков правотворческой ошибки, как оценочный характер, социальная вредность, создание юридических препятствий для эффективного правового регулирования, властная констатация специальным субъектом, позволяет подойти к вопросу о ее определении. *Правотворческая ошибка*, на наш взгляд, есть официальный результат правотворческой деятельности, влекущий в процессе его реализации наступление социально вредных последствий и фактом своего существования создающий юридические препятствия эффективному правовому регулированию, признанный в качестве оши-

бочного в специальном акте компетентного органа. Если сказать более кратко, *это сформулированное в форме оценочного суждения властное решение компетентного органа о признании какой-либо правовой нормы или нормативного акта в качестве ошибочных по мотивам их социальной и юридической вредности.*

Следует подчеркнуть, что центральным признаком в определении правотворческой ошибки является ее властная констатация компетентным органом в особом официальном акте. До этого она может существовать в форме предположения, мнения, оценочного суждения, и только властная ее констатация сообщает ей черты юридического факта, влекущего вполне определенные правотворческие последствия. Однако не следует принижать и значение иных признаков ошибки. Они способствуют спонтанному или целенаправленному «вызреванию» и оформлению представлений об ошибочном правовом регулировании. Правотворческая ошибка, таким образом, предстает в качестве результата оценочно-познавательной и правотворческой деятельности специальных субъектов.

Правотворческая ошибка, по общему правилу, выступает как добросовестное заблуждение творца правовых норм, но она же может быть и результатом злоупотребления властью и служебным положением. В этом последнем смысле она может и должна рассматриваться в качестве правонарушения. Большинство подобных ошибок рассматривается и оценивается как проявление брака в работе соответствующих должностных лиц и органов, как результат их некачественной деятельности. Однако думается, что это не освобождает авторов ошибок от бремени юридической ответственности. Массовое совершение правотворческих ошибок в деятельности конкретных субъектов, а также повышенная степень вредности отдельных ошибок должны, на наш взгляд, служить основанием для привлечения виновных к дисциплинарной и иным видам юридической ответственности. Проблема юридической ответственности за правотворческие ошибки в науке не разработана. Тем не менее можно высказать по этому вопросу несколько замечаний.

Очевидно, что юридическая ответственность за ошибки в правотворческой работе не

должна применяться к представительным органам государственной и муниципальной власти, а также участвующим в их работе депутатам. Иначе пришлось бы наказывать в первую очередь депутатов Федерального Собрания РФ за некачественное, «условное» законодательство, требующее внесения бесконечных поправок и изменений. Тем не менее институты партийно-политической, общественной ответственности за некомпетентное правотворчество должны содержать в себе меры реагирования на подобные факты. В целом же безответственность в сфере правотворчества общественно опасна, ибо провоцирует такие явления, как злоупотребление властью, коррупция, лоббизм, правовой нигилизм, и способствует формированию в общественном сознании и практике неуважительного отношения к праву.

Решение вопроса о том, за какие виды правотворческих ошибок должна следовать юридическая ответственность их творцов, тесно связано и в значительной мере предопределено классификацией самих ошибок. Между тем теоретические знания по этому вопросу находятся в стадии становления и выглядят довольно неупорядоченными. Все исследователи справедливо отмечают множество критериев, позволяющих выделять и классифицировать различные виды ошибок. И в этой связи общий перечень возможных правотворческих ошибок выглядит следующим образом. Принято выделять юридические, логические, грамматические, формальные, содержательные, технические, явные, мнимые, концептуальные, признаваемые и непризнаваемые, значительные и незначительные, ошибки в целях, средствах и способах правового регулирования, спорные и бесспорные, тактические и стратегические и т. д. Особо следует выделить так называемые *правонарушающие ошибки*, противоречащие основным принципам права, международному и конституционному законодательству. Они посягают на основные права и свободы личности и причиняют наиболее существенный вред практике формирования правовой государственности. Следовательно, юридическая ответственность должна следовать, прежде всего, за правотворческие ошибки, нарушающие права и свободы личности и системную связанность источников права.

Следующий момент, связанный с наступлением юридической ответственности за правотворческие ошибки, заключается в субъективной стороне деяния, образующего состав ошибки. Это, в первую очередь, злоупотребление властью и служебным положением в сфере правотворчества, квалифицированное компетентным органом в качестве особого состава правонарушения. Такова встречающаяся в избирательной практике фальсификация результатов выборов в представительные органы или установление завышенных должностных окладов работающим депутатам муниципальных органов.

В целом же следует признать, что основными критериями установления и реализации юридической ответственности за правотворческие ошибки должны выступать признаки правонарушения: социальная вредность деяния, виновность и противоправность. Последнее обстоятельство (противоправность) следует подчеркнуть особо, ибо законодатель и иной правотворец, как правило, не стремятся специально устанавливать для себя меры ответственности за возможные ошибки. А это требует критической оценки и пересмотра всех нормативных актов, закрепляющих правотворческую компетенцию органов представительной и исполнительной власти, под углом зрения формулирования мер ответственности за ошибочную работу в сфере правотворческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, В. М. Истинность норм советского права / В. М. Баранов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – 398 с.
2. Вопленко, Н. Н. Толкование права / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 123 с.
3. Давыдова, М. Л. Явные и неявные ошибки законодателя: проблемы классификации и правовые последствия / М. Л. Давыдова // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Международного науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 318–319.
4. Карташов, В. Н. Теория правовой системы общества / В. Н. Карташов. – Ярославль : Изд-во Ярославского гос. ун-та, 2006. – В 2 т. Т. 2. – 547 с.

5. Лазарев, В. В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в установлении и преодолении ошибок законодателя / В. В. Лазарев // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 139–152.

6. Лисюткин, А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект / А. Б. Лисюткин. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2001. – 347 с.

7. Мазуренко, А. П. К вопросу о юридической ответственности за правотворческие ошибки / А. П. Мазуренко // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 479–497.

8. Малько, А. В. Правотворческая политика как средство предупреждения и устранения ошибок в законодательстве // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 27–46.

9. Машкова, Е. Печем законы, как пирожки / Е. Машкова // Волгоградская правда. – 2009. – 2 июня. – С. 3.

10. Машкова, Е. Самодетельность во власти / Е. Машкова // Волгоградская правда. – 2006. – 25 июля. – С. 5.

11. Морозова, Л. А. Процессуальные средства устранения правотворческих ошибок / Л. А. Морозова // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 249–257.

12. Москалькова, Т. Н. Законодательные ошибки: понятие, виды и пути противодействия / Т. Н. Москалькова // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 17–26.

13. Нерсисянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсисянц. – М. : Норма, 1997. – 647 с.

14. Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – 1120 с.

15. Причины, виды и пути устранения правотворческих ошибок // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова и И. М. Мацкевича. – М. : Проспект, 2009. – С. 1096–1104.

16. Российская газета. – 2009. – 5 мая. – С. 12.

17. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права : в 3 т. Т. 2 / В. М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2004. – В 3 т. – 559 с.

NOTION SIGNS OF THE LEGISLATIVE MISTAKE

N.N. Voplenko

This article is devoted to the most debatable problems of the legislative mistake and the legal responsibility of legislators for the results of their activity which are the basis for discussion in the modern theory of law.

Key words: *legislative mistake, legal responsibility, enforcement matter, field of law, law enforcement effectiveness, juridical enforcement.*